

Конец банды "Черная кошка"* Записки сотрудника УГРО

* В этом выпуске Альманаха мы продолжаем публикацию воспоминаний В.Г. Беляева, начатую предыдущем номере. В течение многих лет консультировавший сотрудников уголовного розыска как один из опытнейших оперативников, Беляев никогда не занимался профессиональной литературной деятельностью. Тексты его просты и информативны, как донесения и сводки. И потому они лишь немного откорректированы, без малейшего искажения смысла.

Олег ГУБАРЬ

Двойник

1.

Двоем с товарищем Брагой мы дежурили по уголовному розыску. Сообщений о каких-либо преступлениях по городу Одессе не поступало. Телефон молчал, но отлучаться было нельзя. Мы сидели за столом и играли в домино.

Доиграть партию не удалось. Раздался тревожный звонок, и на том конце провода сообщили о вооруженном ограблении государственной страховой кассы. Я тут же дал тревогу — сигнализировал по кабинетам сотрудников и в гараж, дежурному шоферу. Служебная машина подъехала к парадной, и мы совместно с другими сотрудниками на ходу запрыгнули в открытый "шевроле". Через четыре минуты мы уже были возле страховой кассы, помещавшейся по улице Короленко (Софиевской. — О. Г.), в доме № 32.

На тротуаре напротив подъезда дома № 34 собралась толпа народа, сгрудившаяся вокруг убитого неизвестного гражданина. То был один из грабителей. В его руке был зажат пистолет.

Из подъезда страховой кассы работники как раз выносили кассира с разбитой головой. Его уложили в машину "скорой помощи" и отправили в больницу.

2.

Когда "скорая" отъехала, ко мне подошел стрелок ОГПУ в форменной одежде, Коваленко, который сообщил следующее. Он и кассир Ильин, как обычно, отправились за деньгами в государственный банк, помещавшийся-

ся по улице Пушкинской, № 10. Ильин получил деньги, и они вдвоем возвращались в страховую кассу для выплаты денег рабочим по больничным листам. Это была привычная процедура, и в день грабежа все шло своим чередом до того момента, пока они не подошли к страховой кассе.

На подходе Коваленко и Ильин увидели стоявшего в подъезде человека — стрелок указал на убитого грабителя. Они прошли по двору мимо, в парадную, поднялись по лестнице на второй этаж, и едва оказались в коридоре, как внезапно неизвестный гражданин подскочил к кассиру и рукояткой револьвера нанес ему удар по голове. Ильин свалился без сознания, выронив из рук портфель с деньгами. Грабитель подхватил портфель и бросился к ведущей во двор лестнице.

Коваленко несколько растерялся, а покуда расстегнул кобуру и достал пистолет, грабитель с портфелем был уже у выхода из коридора. Стрелок нажал на спусковой крючок, однако выстрела не последовало, ибо пистолет был на предохранителе. На ходу снимая предохранитель, Коваленко бросился к лестнице, а когда выскочил во двор, увидел, что грабитель уже подбежал к подъезду. Впопыхах дал выстрел — и промахнулся. Грабитель дважды выстрелил в ответ, тоже безрезультатно, выбежал из подъезда на улицу и помчался в направлении Преображенской (в те годы именовалась улицей 10-летия Рабоче-крестьянской Красной Армии, РККА. — О. Г.).

Когда Коваленко подбежал к подъезду, то подвергся нападению другого субъекта — стрелок снова указал на убитого грабителя. Тот выстрелил из подворотни, вынудив Коваленко укрыться за угол. Когда милиционер снова выглянул, грабителей в просвете подворотни уже не было видно. На улице Коваленко дважды стрелял по убежавшему бандиту, прикрывавшему отход своего напарника, но снова дал промах.

3.

На противоположной стороне улицы Короленко помещался военный трибунал, и возле парадной постоянно находился на посту часовой красноармеец. Увидев перестрелку сотрудника ОГПУ с неизвестными лицами, он вскинул винтовку, прицелился и выстрелил по убегающему грабителю. Тот сразу остановился, повернулся лицом к набегающему Коваленко и упал с зажатым в руке пистолетом. Стрелок обыскал убитого, но кроме пистолета марки браунинг ничего обнаружено не было.

Дактилоскопическая экспертиза показала, что убитый грабитель зарегистрирован соответствующими службами как уже неоднократно совер-

шавший подобные преступления, некто Жоржев, бежавший из мест заключения и, естественно, разыскиваемый.

Во время допроса стрелок ОГПУ Коваленко четко указал следующие приметы того грабителя, который скрылся с деньгами. Среднего роста. Шатен. 30-32-х лет. В очках с черной оправой. Небольшие усики. Коричневая шляпа. Коричневый клетчатый пиджак с четырьмя наружными "дутыми карманами". Той же ткани брюки-бриджи. Желтые краги и желтые ботинки.

Гардероб и в самом деле приметный.

Показательно, что по выздоровлении кассир Ильин полностью подтвердил показания Коваленко — как в отношении обстоятельств разбойного нападения, так и по поводу примет удравшего с его портфелем грабителя.

4.

Прошло две недели после ограбления страховой кассы. Вместе с инспектором розыска Каменеком мы шли по улице Подбельского (Коблевской. — **О. Г.**). Возле строящегося нового дома заметили на рештовании человека, соответствующего всем приметам, сообщенным кассиром Ильиным и стрелком Коваленко. Каменек предложил: "Давай-ка проверим его сами, не докладывая начальству. В крайнем случае, извинимся, если ошиблись".

Подшли к строительной площадке, и я закричал: "Товарищ, а товарищ!". Замеченный нами неизвестный гражданин, как мы и предполагали, решил, что его окликнули по какому-то вопросу, связанному с работой. Он спустился вниз, приблизился к нам и тут же любезно спросил: "Чем могу вам услужить?". Каменек предъявил служебное удостоверение: "Мы сотрудники уголовного розыска. Прошу ваши документы". "Документы, — протяжно повторил гражданин, — документы при себе не ношу. Я здесь работаю инженером-строителем. А что вам угодно, и в чем меня, собственно, подозревают?"

Каменек ответил: мол, здесь не место для объяснений. Предложил пройти в управление розыска, которое располагалось недалеко. Человек, назвавшийся инженером-строителем, не возражал. Однако прибавил: "На это раз вы точно ошибаетесь". "Для того-то мы вас, товарищ инженер, и приглашаем в управление, — чтобы развеять свои безосновательные, быть может, подозрения".

Соблюдая предосторожность, мы повели подозрительного гражданина в розыск: Каменек шел рядом с ним, а я позади. Инженер явно волно-

вался, но причины могли быть вполне естественными, коль скоро человек еще никогда не задерживался и не привлекался.

В управлении инспектор Каменек в моем присутствии обстоятельно допросил инженера.

— Откуда вы прибыли в город Одессу и когда?

— Месяца полтора тому назад. Я приехал в Одессу из Иркутска.

— Где и когда вы приобрели костюм, краги, ботинки и шляпу, которые сейчас на вас?

— Вот этот костюм я купил в Иркутске накануне отъезда в Одессу. Краги и ботинки у меня около года, куплены тоже в Иркутске.

— Давно ли вы отпустили усы и когда начали носить очки?

— Усы я отпустил год тому назад, а очки начал носить еще в институте: врачи приписали.

— Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос: где вы провели весь день 27 ноября, начиная с утра? Есть ли у вас знакомые и друзья среди горожан?

— Ежедневно, кроме выходных дней, я с утра до вечера нахожусь на стройке, где вы меня и встретили, за исключением обеденного времени. На обед отлучаюсь с 12.00 до 13.30. Именно таков и был распорядок моего дня 27 ноября. Подтвердить это могут и рабочие. Знакомых и друзей в Одессе у меня нет.

5.

В этот момент, когда допрос подходил к концу, в кабинет без стука вошли стрелок Коваленко и кассир Ильин. Увидев инженера, они пораженно застыли, а затем перевели вопрошающие взгляды на инспектора Каменека, который было предложил им присесть. Однако кассир Ильин стремительно набросился на инженера, схватил его за отвороты костюма и заорал: "Подлец! Ты из-за денег чуть меня не убил!". Затем он свалился на подставленный мной стул, и пришел в себя, лишь проглотив стакан воды.

Показывая на инженера, я обратился к Ильину и Коваленко: "Видели ли вы этого человека где-либо ранее?". Оба уверенно ответили: "Да, этот человек — грабитель и убийца. Мы его хорошо приметили еще тогда, 27 ноября сего года, когда шли через подъезд в банк за деньгами. Он стоял тогда в подъезде. Был одет точно так же, как теперь. А когда возвращались из банка с деньгами, то в подъезде стоял его напарник, а этот находился во втором этаже, где и нанес удар по голове, схватил портфель с деньгами и, отстреливаясь, скрылся".

Сидящий на стуле ни живой ни мертвый инженер побледнел и стал клясться всем святым и убеждать всех присутствующих, что знать ничего не знает. "Вы глубоко ошибаетесь! Да я в жизни никогда такими делами не занимался! Спросите кого хотите! Я невиновен!" Наклонился и горько заплакал.

6.

Инженера заключили под стражу — как уверенно опознанного двумя свидетелями по делу о вооруженном ограблении государственной страховой кассы. Его обеденная отлучка была довольно продолжительной, не менее полутора часов. А рабочие не могли надежно и точно зафиксировать время и продолжительность отсутствия.

На протяжении двух месяцев задержанного периодически вызывали на допросы, однако он упрямо стоял на своем: "Виновным себя не признаю. Уверяю вас: потерпевшие ошибаются в своем опознании и обвинении". В его пользу говорили многие обстоятельства. Манеры, поведение, интеллигентность, эрудиция — все как-то не увязывалось с обликом дерзкого и умелого грабителя. Да и наведенные в Иркутске и других городах справки свидетельствовали о непричастности инженера к тяжкому преступлению: ни одного хотя бы мало-мальски компрометирующего факта.

Однажды, проходя по многолюдной Дерибасовской (она же — Лассалья, она же — Чкалова. — **О. Г.**), мы с сотрудником розыска Брагой как раз беседовали на эту тему. Несмотря на то, что Коваленко и Ильин уверенно опознали нападавшего, нас грызли сомнения. Ну, не похож был инженер на преступника. Опыт подсказывал: нами задержан невинный человек, который из-за нас страдает. Кроме того, бросалась в глаза явная несуразность: неужто грабитель столь наивен, чтобы преспокойно разгуливать по городу в той самой броской приметной одежде, в которой только что совершено серьезное преступление?! Мы выдвигали друг другу то одни, то другие доводы и приходили к однозначному выводу о непричастности инженера к ограблению страховой кассы.

Так мы двигались среди людского водоворота, как вдруг Брага в буквальном смысле опешил: "Смотри!". Он указал на противоположную сторону улицы. Я глянул — и тоже обомлел. Наш арестованный инженер преспокойно шагал вдоль витрин магазинов.

Брага растерянно сказал: мол, только час назад он был в кабинете начальника розыска, и при нем инженера отвел в камеру солидный конвой,

и никак не может быть, чтобы он был отпущен, а тем более сбежал, а если бы и сбежал, то отчего ему тогда разгуливать по Дерибасовской?

Мы тут же перешли на противоположный тротуар и пошли навстречу нашему непредсказуемому инженеру. Самое занятное, что при нашем приближении тот никак не отреагировал — словно бы впервые нас видел. Я попросил его предъявить документы, одновременно предъявив свое служебное удостоверение, а Брага меня подстраховывал.

"Документов при мне нет", — ответил "инженер". "Тогда скажите, кто вы и откуда?" — "Я только сегодня приехал в Одессу для поступления на работу". Тут только, по голосу, я и определил, что это вовсе не наш инженер. В остальном они были настоящими близнецами-братьями. Повидавший виды Брага поразился не менее моего.

Предложили гражданину следовать за нами в управление уголовного розыска. Тот заволновался, но все же пошел рядом с Брагой, а я, соблюдая осторожность, пошел позади, предчувствуя, что мы поймали крупную рыбину. Когда прошли квартал, задержанный оглянулся. Видя, что я иду по его стопам, осмотрительно готовый к действиям, он обреченно зашагал дальше.

Когда пришли в управление, Брага остался в нашем кабинете с задержанным, а я доложил начальнику розыска о том, что нами доставлена "копия инженера". Начальник, который недавно отправил инженера в камеру под надзором двух конвоиров, воскликнул: "Да не мог он бежать! Немедленно приведите задержанного ко мне!". Вдвоем с Брагой мы привели "копию инженера".

Искренне удивленный начальник розыска поднялся из кресла, обошел письменный стол, покрутился вокруг задержанного, достал сделанную в розыске фотокарточку инженера и показал доставленному гражданину: "Узнаете себя? Это вы?". Тот внимательно поглядел на снимок и сказал: "Да, это я. Но интересно знать, кто, когда и где меня успел сфотографировать?". Начальник отозвался: "Не имеет значения, кто, когда и где вас запечатлел. Важно, что вы сами себя сразу узнали".

Глядя на неизвестного в упор, начальник розыска резко приказал Браге: "Выведите задержанного грабителя и убийцу!". Тот вышел из кабинета, не проронив ни слова. А начальник убежденно сказал: "Вот этот-то, верьте мне, точно грабитель... Товарищ Беляев, отправляйтесь в арестный дом, да доставьте-ка сюда вашего инженера. Здесь у нас очень интересная история вырисовывается".

Вместе с комендантом арестного дома мы проверили камеру, убедившись, что инженер, конечно, никуда не делся. Я и привел его к начальни-

ку розыска. Тот подошел к инженеру, спросил: "Что нового скажете?". "Ничего нового сказать не могу. Я ни в чем не виноват, а опознавшие во мне грабителя ошибаются". "Ладно, раз так... Товарищ Беляев, вызовите сейчас же потерпевших, а за арестованным инженером пусть конвоиры в соседнем кабинете присмотрят".

Вскоре второго задержанного, который назвался Диденко, предъявили для опознания кассиру Ильину и стрелку ОГПУ Коваленко. Те в один голос заявили, что перед ними тот самый субъект, который нанес удар кассиру и скрылся с похищенными деньгами. И пусть, мол, возвратит портфель, поскольку больные рабочие ждут компенсации. Задержанный Диденко в ответ на все эти заявления широко улыбнулся.

А далее начальник розыска, выходя из кабинета, пригласил с собой Ильина и Коваленко. Втроем они проследовали в другой кабинет, где находился инженер. Дорогой начальник обратился к потерпевшим: "Вот вы сейчас категорически заявили, что опознали задержанного Диденко? А что если вдруг он все же окажется невиновным?". Кассир и стрелок вопросительно уставились на него. Тем временем отворилась дверь кабинета, и перед ними предстал задержанный инженер.

Надо было видеть, как переглянулись Ильин и Коваленко. Перебивая друг друга, заговорили: "Они же одинаковые! Близнецы, что ли? Один из них наверняка грабитель! Но который? Надеемся на вас, товарищ начальник, уж вы установите!".

Тут инженеру был представлен его двойник, Диденко. Когда оба задержанных взглянули друг на друга, то были поражены сходством. Это казалось непостижимым. Проведший два месяца в камере инженер сам себе не верил, ему казалось, что он бредит. В этом бредовом состоянии принялся чествовать своего двойника и даже пытался наброситься на него с кулаками.

Грабитель Диденко воспринял ситуацию как-то по-хорошему, по-человечески. С достоинством поднялся и сказал: "Прошу прощения у моего... — он запнулся. — У моего коллеги". Потом обратился к инженеру: "Я и сам никогда не ожидал, что возможно такое сходство, такие совпадения, такие чудеса". Прибавил: "Я прошу вас, товарищ начальник, освободить невиновного гражданина инженера, моего двойника, который был лишен свободы из-за меня. Я не боялся совершать преступления, но сумею и безбоязненно ответить за вооруженный грабеж. Не желаю, чтоб кто-то другой пострадал по моей вине".

В этот момент в кабинет вошел товарищ Брага и подал начальнику розыска справку о дактилоскопической экспертизе задержанного Диденко.

В ней указывалось, что гражданин, назвавшийся Диденко, зарегистрирован в карточке как грабитель по кличке Бывший.

Начальник уголовного розыска подошел к инженеру, почтительно подал ему руку: "Вы уж не обижайтесь на нас, уважаемый товарищ инженер! Два месяца под стражей — это, конечно, ужасно. Еще раз извините. Только подумайте сами: мы ведь законно вас содержали, на основании уверенного опознания, причем сразу двумя потерпевшими. Да и с алиби у вас были неясности. И наконец, кто мог знать о наличии у вас двойника? Кстати, этот ваш двойник оказался по-своему благородным. Тотчас повинился перед вами".

7.

Инженера освободили, и он не имел претензий к уголовному розыску. Что касается грабителя Диденко по кличке Бывший, то на допросах он показал следующее. В ноябре месяце они вдвоем с партнером Жоржевским проходили по улице Короленко, и возле дома № 32 заметили много людей, у которых узнали, что здесь размещается государственная страховая касса, в которой рабочим выдаются деньги по больничным листам. Смешавшись с толпой рабочих, они проникли в помещение кассы, ознакомились с расположением помещений, в частности, комнаты кассира во втором этаже, в которую вход вел со двора, а окошко кассы выходило в общий зал. В свою очередь, вход в общий зал второго этажа был с парадного подъезда.

Диденко и Жоржевский решили проследить, когда именно кассир посещает банк, кто его сопровождает и прочие детали. В течение трехдневного наблюдения установили: кассир ходит в банк и назад пешком вместе с одним охранником ежедневно. Выходят они из кассы во двор, оттуда через подъезд на улицу — и тем же путем назад. Решили ограбить кассира — не убивать, а только оглушить, да так, чтобы он выронил портфель с деньгами.

Из замеченных деталей была очень важная: стрелок-охранник, сопровождавший кассира, всегда ходил с застегнутой кобурой, и можно было почти наверняка предположить, что пистолет на предохранителе. Вот и получалось, что если оглушить кассира, то пока охранник расстегнет кобуру, снимет предохранитель и прицелится, можно запросто успеть выскочить во двор. Но поскольку двор надо еще перебежать, то другой участник ограбления станет прикрывать отход первого, стреляя без намерения убить охранника, не прицеливаясь, а просто для страховки. Когда партнер с портфелем скроется, тогда прикрывающий будет иметь возможность уй-

ти через соседний проходной двор, выходящий на улицу Щепкина (Елисаветинская. — **О. Г.**). Роли распределились так, что первую скрипку играл Диденко, но, по стечению непредвиденных обстоятельств, погиб как раз Жоржев.

На четвертый день напарники подошли к подъезду дома № 32. Диденко направился во двор, а Жоржев остался на улице. Вскороности через подъезд прошли кассир и стрелок, причем оба обратили внимание на Диденко, которого видели и прежде, когда напарники еще вели наблюдение. Когда Ильин и Коваленко ушли в государственный банк, преступники ожидали их на улице, в толпе рабочих.

Через какое-то время кассир и стрелок показались из-за угла Преображенской. Заметив их, рабочие направились в дом страховой кассы, чтобы выстроиться в очередь. Тогда Диденко через дворовую парадную поднялся во второй этаж и притаился за входной дверью, а Жоржев занял позицию во дворе, у подъезда, откуда хорошо просматривался вход в ведущее в кассу парадное.

Кассир и стрелок прошли мимо Жоржева, вошли в парадное и поднялись по лестнице во второй этаж. Диденко мгновенно нанес кассиру удар по голове рукояткой револьвера, выхватил из его ослабевших рук портфель, и добежав до выхода из парадного, услышал выстрел, выстрелил в ответ, не целясь, и вбежал в подъезд. Пробегая мимо Жоржева, кинул: "Задержи стрелка". Сам выскочил на улицу, через соседний двор — на другую, и скрылся. Жоржева в тот день не видел, а на другой узнал, что тот убит солдатом, стоявшим на посту у трибунала, напротив дома страховой кассы.

Добравшись до перекрестка улиц Комсомольской (Старопортофранковская. — **О. Г.**) и Костецкой (Больничная, Генерала Ватутина. — **О. Г.**), Диденко вошел в заранее намеченную дворовую общественную уборную. Вынул из портфеля немного денег, положил в карман. К портфелю привязал веревку и опустил портфель на дно уборной. Конец веревки затянул в щель сидения толчка. Сам ушел за город, на станции Сортировочная сел в поезд и уехал. Вернулся в город через два месяца с целью забрать остальные деньги и снова уехать. И надо ж такому случиться: был задержан прямо на Дерибасовской. "Вот теперь точно не миновать мне Соловецких островов", — такими словами закончил свои показания Диденко по кличке Бывший.

Портфель с деньгами действительно оказался в указанном грабителем "потанном месте", был извлечен и возвращен кассиру государственной страховой кассы Ильину. Диденко-Бывшего осудили к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в ссылке. Совместно с другими

осужденными преступниками он шел на этап. Родственники провожали этап за город.

Бывший, он же Диденко, и не думал падать духом. Даже запел песню собственного сочинения, да такую жалобную, что многие провожающие прослезились. А Бывший между тем продолжал тянуть:

"Соловки, да Соловки,
Путь, неблизкая дорога,
Сердце ноет, грудь болит,
А на душе тревога..."

Скоро провожающие родственники и знакомые осужденных проводили этап на окраину города и еще долго стояли, глядели вслед удаляющейся колонне.

Как сложилась дальнейшая судьба "Двойника", я не знаю. Помню, что шел тогда Диденко-Бывшему 32-й год.

История с буквой "К"

Доклад дежурного второго отделения милиции был сух и лаконичен. 28 января 1941 года в пять часов утра по улице Чижикова (Пантелеймоновская, Ново-Рыбная. — **О. Г.**), № 2, гражданкой Якубовской в помещении райвоенкомата найден труп ее супруга-охранника. При осмотре обнаружено, что на голове убитого имеются рубленые раны, нанесенные тяжелым острым предметом. Из кабинета интенданта Аркушенко похищен железный ящик-касса, в котором хранилось 18 тысяч рублей, полученных накануне в банке для выплаты зарплаты сотрудникам военкомата.

Меня вызвал к себе начальник отдела розыска П. (в рукописи фамилия неразборчива. — **О. Г.**): "Займитесь убийством охранника Якубовского. Поезжайте и осмотрите место убийства — там сейчас следователь прокуратуры и судебный медицинский эксперт. О своих выводах и мнении эксперта доложите мне в 23 часа". — "Слушаюсь".

Погода не благоприятствовала. Снег падал крупными хлопьями и тут же примерзал на мостовых и тротуарах, крепчал ветер. Улицы обезлюдели. Жизнь теплилась лишь подле самого железнодорожного вокзала.

Кутаясь в платок, потрясенная жена убитого Якубовского рассказала следующее. Муж еженощно охранял помещения райвоенкомата, который находился неподалеку от их квартиры. Ночевал он в комнате канцелярии, а смежные кабинеты начальника военкомата и интенданта Аркушенко закрывались на замки. Якубовский всегда брал с собой на службу домаш-

нюю собачонку. На рассвете ему вменялось в обязанность затопить печи. Топливо же он обычно заготавливал заранее, днем. Впрочем, иногда, довольно редко, он мог прийти за топливом утром, — когда не успевал заготовить его в предыдущий день.

"Сегодня утром, — продолжала Якубовская, — примерно часа в четыре утра, я услышала лай нашей собачонки. Подумала: вероятно, муж не успел заготовить топливо заранее, а потому пришел за ним. Стала дремать, но собачонка никак не хотела уgomониться, все лаяла и лаяла, с полчаса. Меня это удивило, я оделась и вышла во двор. Собачонка не просто лаяла, а перебежала от дверей нашей квартиры к дверям военкомата. Встревоженная, я пошла вслед за ней. Дверь в военкомат была открыта. Вошла в коридор: дверь слева, в кабинет интенданта, тоже оказалась отворенной, как и дверь в канцелярию. В канцелярии горела свеча, при свете которой увидела лежащее за перегородкой окровавленное тело своего мужа. Со мной случилась истерика, я закричала, мне стало дурно. Когда пришла в себя, вокруг меня были соседи по квартире. Они и позвонили во второе отделение милиции, откуда прибыл сотрудник".

Обзор места происшествия показал: дверь со двора открыта без взлома, без малейших повреждений. В коридоре, близ дверей, ведущих в канцелярию, на полу обнаружили две пуговицы, оторванные, что называется, с мясом, то есть с фрагментами ткани. Дверь в кабинет интенданта Аркушенко взломана — отчетливо видны вмятины, оставленные твердым предметом, судя по всему, ломиком. Со слов военкома, на месте не оказалось железного ящика-кассы с деньгами.

В помещении канцелярии за перегородкой-перилами лежал убитый сторож Якубовский. Возле письменного стола на полу был обнаружен бланк телеграммы, на котором указан адрес: "Улица Чижикова, № 2. Райвоенкому". Адрес отпечатан на пишущей машинке, и бумажная лента наклеена на бланк телеграммы. Сам бланк был абсолютно чист — никакого текста. Стало очевидно, что грабитель-убийца постучал в наружную дверь и предложил сторожу открыть дверь, чтобы тот принял телеграмму. В этом случае тот должен был расписаться в получении, а для этого пришлось пригласить "почтальона" в канцелярию. Кстати, ручка и чернила валялись на полу подле бланка телеграммы.

Выводы судмедэксперта были следующими. Якубовскому сначала нанесли удар по голове острым тяжелым предметом, и сторож правой рукой закрыл рану. Затем убийца нанес еще несколько ударов по голове, в результате чего отрубил пальцы правой руки Якубовского.

Пол и стены канцелярии были залиты кровью. Найденные пуговицы сторож явно сорвал левой рукой с одежды нападавшего.

Ночью шел снег. Оставленные преступником следы — от военкомата к улице — были припорошены. Тем не менее, они хорошо различались, и было видно, что доходили они до мостовой, где стояла автомашина. Следы грузовика вели в сторону улицы Белинского (часть Старопортофранковской улицы от нынешнего театра оперетты до парка имени Т.Г. Шевченко. — **О. Г.**), где и терялись.

В 23 часа я доложил начальнику розыска обо всех обстоятельствах преступления, в том числе о вещественных доказательствах — бланке телеграммы, пуговицах и проч. Выслушав доклад, начальник прямо спросил, какие действия я собираюсь предпринять.

"Я думаю, в первую очередь следует установить, кому принадлежит пишущая машинка, на которой отпечатан адрес, наклеенный на бланке телеграммы". "Почему вы думаете, что вам это удастся?" — удивился начальник розыска. Я показал ему бланк телеграммы: "Обратите внимание на букву "к" — она выскакивает из строки вверх в обоих случаях. Этот дефект и поможет найти владельца. Может статься, что это не частное лицо, а организация. Тогда негласно станем проверять сотрудников, не связан ли кто из них с работниками военкомата. Ведь совершенно ясно, что убийца отлично информирован о внутреннем распорядке: о наличии денег, месте их хранения, расположении помещений. Наконец, он точно знал о том, что сторож откроет дверь в случае, если будет доставлена телеграмма. Правда, об этом последнем обстоятельстве преступник мог дознаться и от разносчиков телеграмм. Кроме того, надо, конечно, побеседовать и с сотрудниками военкомата". Начальник розыска вполне одобрил мои действия.

Скажу откровенно, интендант Аркушенко как-то сразу вызвал у меня подозрения, или, может быть, скорее недоверие. Когда он явился в канцелярию и увидел убитого сторожа, изменился в лице,отреагировал не так, как другие сотрудники военкомата. Мне трудно сформулировать, но я интуитивно почувствовал что-то не то. Тут же пригласил его к нему же в кабинет, где задал несколько вопросов, может быть, несколько прямых и бесцеремонных.

Я сказал, например, что убийце или убийцам наверняка было известно, где именно хранится касса с деньгами и т. д., то есть вел к тому, что кто-то из сотрудников военкомата может быть связан с бандитами. И снова Аркушенкоотреагировал не столько растерянно, как другие, сколько испуганно, пожалуй, даже виновато. Хотя я, конечно, понимал: подобная

реакция в принципе характерна для многих беспочвенно подозреваемых. И все-таки Аркушенко вызывал во мне изрядные сомнения.

Тем временем еще к вечеру разослали более тысячи своего рода запросов: под благовидным предлогом мы включили в работу пишущие машинки всех местных организаций и предприятий. Дефектная буква "к" рано или поздно должна была не только выскочить из строки, но и попасть в наше поле зрения. В течение недели поступило столько же ответов, которые тут же тщательно проверялись. Нашей заветной "к" все не было и не было. Но вот на исходе недели поступила бумага из конторы "Дормостстроя", на которой то и дело подпрыгивала дефектная "к".

Не ограничившись визуальным осмотром, мы передали бланк телеграммы и полученную бумагу на экспертизу. Ответ был однозначным: оба текста напечатаны на одной и той же машинке. Теперь оставалось установить, кто же, собственно говоря, печатал адрес на бланке телеграммы.

В конторе "Дормостстроя" у начальника спецчасти для проверки был взят список всех служащих с адресами. Аналогичный список сотрудников я взял и у райвоенкома. Началась повседневная рутинная работа. В ходе беседы с одной из сотрудниц военкомата выяснилось: за два дня до убийства сторожа к интенданту Аркушенко дважды заходил его знакомый — молодой человек примерно 25-27 лет. Тот же гражданин однажды заходил и прежде, месяца за два до преступления.

В то же время интендант Аркушенко на допросе заявил, что к нему на службу никто из знакомых никогда не приходил. Это усилило мои подозрения — мы его временно задержали и изолировали, чтобы лишить связи с подельниками, если наши подозрения оправданы.

Не дождавшись сына, в управление розыска пришла мать Аркушенко, спросила, отчего сына двое суток не отпускают. Я пригласил ее в кабинет и стал расспрашивать, с кем Аркушенко дружит, общается, у кого из приятелей и знакомых бывает. Женщина была откровенна: "Мой сын целыми днями занят на службе в райвоенкомате, малообщителен, редко куда ходит. Разве что у него иногда бывает приятель Виктор, который работает где-то шофером, а проживает во 2-м Куликовском переулке (в те годы именовался Октябрьским. — **О. Г.**), номера дома точно не помню, кажется, десятый". Мать Аркушенко я кое-как успокоил, сообщив ей, будто сын помогает нам в расследовании дела относительно убийства сторожа военкомата.

Итак, приятель Аркушенко был шофером. Мне пришлось в голову провернуть список сотрудников "Дормостстроя", что я немедленно и сделал. Ход оказался правильным: в их числе значился Виктор Субботин, прожи-

вающий во 2-м Куликовском переулке, № 10. О простом совпадении не могло быть и речи. Я тут же вскочил из-за стола и, прихватив с собой список сотрудников "Дормостстроя" и короткий протокол допроса матери интенданта Аркушенко, отправился докладывать начальнику розыска.

Увидев улыбку на моем лице, начальник и сам рассмеялся: "Что-то у вас, товарищ Беляев, шибко веселый вид. Видно, есть подвижки в деле по военкомату, докладывайте". Я положил на стол принесенные с собой красноречивые документы, лаконично доложил: "Сами видите, как не радоваться?". Начальник розыска и не думал скрывать своего удовлетворения: "Да, замечательно поработали. А я, признаться, сильно волновался, ждал неприятностей из штаба армии и по партийной линии. Обрадовали вы меня. Теперь действуйте и почаще мне докладывайте по существу дела".

Вернувшись в свой кабинет, я велел привести интенданта Аркушенко. Когда он был уже в кабинете, нарочито вежливо попросил его присесть и без обиняков заговорил: "Знаете, Аркушенко, я не стану задавать вам никаких вопросов, а с вашего позволения сам подробно расскажу, как было дело. Желаете?". Интендант молчал. "В таком случае я понимаю ваше молчание как знак согласия и начинаю мое повествование".

Затем я рассказал Аркушенко, что его знакомый Виктор Субботин, который проживает во 2-м Куликовском переулке и работает в "Дормостстрое" шофером, арестован. Тут я сделал паузу и спросил: "Следует ли мне продолжать, кем и как совершено убийство с ограблением? А может, дать вам бумагу, ручку, и вы сами все подробно и точно опишете? Тогда, по крайней мере, появится возможность сделать вам облегчение за чистосердечное признание...". Аркушенко опустил голову, заплакал, и погодя сказал: "Давайте бумагу, я все подробно опишу".

Часа через два интендант тяжело вздохнул, поднялся со стула, встал по-военному на вытяжку, доложил: "Вот, все я описал, как было". И протянул мне через стол написанное.

В протоколе Аркушенко сообщил следующее. 25 января в кабинет райвоенкомата, который занимал интендант, пришел его знакомый, Виктор Субботин, проживающий во 2-м Куликовском переулке, № 10. Из разговора Виктор узнал, что через два дня Аркушенко получает большую сумму денег на зарплату и другие расходы райвоенкомата.

Субботин сразу же предложил интенданту похитить деньги в ночное время — да так, чтобы и сторож не знал и не мог догадаться, когда и как они похищены. На вопрос Аркушенко, каким образом это можно устроить, Виктор ответил: "Ты ведь сам говорил мне, что сторож ночью открывает

дверь лишь в том случае, когда приносят телеграммы. Мало того, он ведь, надо полагать, сам ведет разносчика в канцелярию, где принимает телеграмму и расписывается. А твой кабинет находится возле самой входной двери. То есть пока сторож будет принимать телеграмму, можно успеть незаметно вынести из твоего кабинета кассу. Остается всего ничего: бланк телеграммы можно взять в любом почтовом отделении, текст я отпечатаю на ленточке у себя на работе, свою машину я оставлю на ходу на улице. Остается найти еще одного человека, который сыграет роль разносчика либо вынесет кассу, пока я в канцелярии стану заговаривать зубы сторожу. Потом тот закроет за мной дверь и не узнает, что касса похищена. Вот и получится, что привлекать станут как раз сторожа".

Выслушав доводы Субботина, Аркушенко спросил, кто же будет этим вторым лицом, участвующим в комбинации. Виктор ответил, что у него есть хороший друг по имени Сергей, и что если ему поручить более простую роль разносчика, то он наверняка согласится, — тем более куш весьма соблазнителен, а риск минимальный. Интендант одобрил план Субботина, и они договорились встретиться в квартире последнего, когда деньги окажутся в служебном кабинете Аркушенко.

27 января, получив с утра 18 тысяч рублей в банке, интендант положил их в железный ящик-кассу, а в полдень пришел Субботин, сказал, что Сергей согласился участвовать в похищении, что вечером они втроем должны собраться на квартире у Виктора. Бланк телеграммы с адресом им был уже заготовлен.

В 17 часов, оканчивая работу, Аркушенко вынул из ящика-кассы восемь тысяч рублей, рассвал по карманам, а остальные десять оставил на месте, для Виктора и Сергея. Таким путем он решил застраховаться, понимая, что Субботин может и не дать ему этой суммы, а поделить деньги поровну. Далее, согласно инструкции, он запер ящик-кассу на два разных ключа, один из которых вручил начальнику райвоенкомата. Второй ключ всегда хранился у него, а первый утром военком тоже возвращал интенданту.

Аркушенко запер дверь кабинета на английский замок и покидал помещение вместе с начальником, который, проходя мимо двери его кабинета, потянул на себя дверную ручку и убедился, что кабинет действительно заперт. В канцелярии уже находился сторож, принявший военкомат под охрану.

В 21 час Аркушенко явился во 2-й Куликовский переулок, № 10, к Субботину, где застал Виктора и его товарища, назвавшегося Сергеем. Посреди комнаты стоял небольшой круглый столик, на котором стояли бутылка

водки, бутылка вина и закуска. В ходе застолья Виктор спросил Сергея: "Ты взял маленький топорик, с помощью которого легче отогнуть дверь возле английского замка?". Сергей тут же продемонстрировал засунутый за пояс топорик, а Виктор показал долото: "Если не сумею долотом открыть, тогда воспользуюсь топориком. И вообще, не волнуйся, все будет в порядке".

Аркушенко стал прощаться, однако ни словом не обмолвился о том, что заранее взял свою львиную долю. Виктор и Сергей остались за столом. На улице возле дома интендант заметил полуторку "Дормостстрой", на которой шоферил Субботин.

Рано утром Аркушенко вызвали в райвоенкомат, где он застал начальника, работников розыска, где увидел окровавленное тело сторожа Якубовского. Разумеется, интендант перепугался, не понимая, как такое могло получиться: ведь и Виктор, и Сергей не какие-нибудь отпетые бандиты, а обыкновенные молодые люди, возможно, авантюрные, но не кровожадные.

Свою исповедь интендант закончил тем, что ни Виктора, ни Сергея до своего ареста он не видел, и куда они подевали кассу, ему неизвестно. Когда отдал нам свои письменные показания, снова заплакал, опустив голову.

Вечером с одним из сотрудников розыска мы поехали во 2-й Куликовский переулок на квартиру Виктора Субботина. Дверь к нему оказалась запертой, а соседи по общему коридору заявили, что его сегодня еще не было. Я попросил разрешения у соседки подождать возвращения Субботина в ее комнате.

В 23 часа мы услышали шаги, хозяйка, у которой мы находились, вышла в коридор, глянула, вернулась и сообщила: Виктор пришел и сейчас отпирает дверь в свою комнату. И как только Субботин вошел в комнату, мы моментально, не давая ему закрыть дверь, вошли вслед за ним и предъявили ордер на право обыска и ареста.

Виктор тотчас изменился в лице и присел у стоявшего посредине комнаты столика, на котором была разложена грязная посуда на три персоны и стояли пустые бутылки от водки и от вина. Все, как описал Аркушенко.

Я спросил Субботина: "С кем это вы гуляли? Да и со стола не прибрали... Видно, что вас было трое". "Да, — отозвался Виктор, — приходили знакомые, посидели немного". "А назовите-ка ваших знакомых". Субботин замялся: "Я знаю их по именам, а фамилии и адреса мне неизвестны".

Мы попросили его подняться и поднять вверх руки. Обыскали. Достали документы, деньги. Предложили снова присесть. Пригласили соседей понятными. Во время обыска в комнате Субботина никаких уличающих его вещественных доказательств не обнаружилось. Повезли его в розыск.

Во время допроса он в совершенном преступлении не сознавался. Тогда в кабинет привели интенданта Аркушенко, который, увидев Субботина, сразу выпалил: "Виктор, можешь все подробно рассказать. Все равно я уже во всем сознался". Аркушенко увели.

Конечно, нас не менее интенданта интересовал вопрос, почему получилось так, что молодые люди пошли на убийство. Что это было: случайность или заранее спланированное зверство? Ведь Виктор и Сергей могли заранее и не сообщать Аркушенко о подлинных своих намерениях, — чтобы он не испугался и не отказался от осуществления преступного намерения.

Субботин детально объяснил, по какой причине произошло убийство, которое они действительно не планировали. Суть в том, что Сергей должен был передать Виктору находившийся у него за поясом топорик для вскрытия дверей кабинета интенданта. Разволновавшись, оба об этом позабыли. Когда Сергей беседовал со сторожем в канцелярии, Субботин отжимал дверь долотом. Дверь затрещала и поддалась. Видимо, сторож услышал треск. Виктор влетел в кабинет, схватил кассу, а выбежав в коридор, увидел, что сторож, навалившись на Сергея, старается выйти в коридор. Но тут "разносчик" выхватил из-за пояса топорик и стал отбиваться от сторожа. В этот момент Субботин с кассой выбежал на улицу, к своей машине-полупортке, стоящей "под седлом". Едва он расположился в кабине, явился сильно взволнованный Сергей, сказал, что, по-видимому, убил сторожа: тот так крепко его схватил, что невозможно было отцепиться, оторвал все пуговицы. Не помня себя, Сергей нанес ему несколько ударов топориком.

Приехали к Субботину, вошли в комнату, где пытались вскрыть запертый на два замка железный ящик. Но без шума это невозможно было сделать. Тогда, прихватив зубило, молоток, выехали за 2-ю Заставу, в степь, где и вскрыли кассу. Деньги забрали, а находившиеся в ящике документы военкомата оставили на месте, метрах в двухстах от дороги. С Заставы поехали на квартиру Сергея, где посчитали деньги. В наличии вместо 18-ти тысяч оказалось лишь 10 тысяч рублей. Похитителям стало понятно, что восемь тысяч Аркушенко взял с собой, уходя со службы домой.

Мы, естественно, стали расспрашивать Субботина о его партнере Сергее. Виктор сообщил: фамилия Сергея — Антипов, ему 24 года, проживает по улице Солнечной, в доме № 4, квартира его расположена во дворе, в парадной справа, во втором этаже. "Скажите, Субботин, а где находится топорик, которым Антипов наносил удары сторожу, и где одежда, в которой был Сергей во время ограбления?" — "Топорик Сергей забросил на антресоль в своей квартире, да и одежда должна быть у него дома".

...В четыре часа утра прибыли на квартиру Антипова. Дверь открыла его мать. "Где ваш сын Сергей?" — "Да спит он в смежной комнате". Работник розыска подошел к спящему Антипову, разбудил и предложил подняться и одеться. Тот спокойно поднялся, оделся и вышел в другую комнату, где я дождался его вместе с дворником и матерью. Подал Сергею ордер на право обыска и ареста: "Ознакомьтесь".

Антипов прочел, положил его на стол и сказал: "Вот, мама, я окончил институт, а вместо диплома, который защищал, получил ордер на арест, и отправлюсь в тюрьму". Мать разрыдалась, причитая, что вот, мол, отдавала сыну все, чтоб поднять, вырастить, воспитать достойным человеком, а тот "отблагодарил", связался с теми, кто подтолкнул его к преступлению.

В ходе обыска на антресоли действительно обнаружили окровавленные топорик и одежда, часть похищенных денег. На допросе Антипов полностью подтвердил показания Субботина и Аркушенко. Изъятую одежду и топорик направили в судебную экспертизу, где установили, что кровь на них, безусловно, оставлена убитым сторожем Якубовским. Обнаруженные в коридоре военкомата пуговицы также прошли экспертизу, после чего подтвердилось, что они оторваны от фуфайки Сергея.

Следствие закончилось. Суд приговорил Антипова к десяти годам лишения свободы, а Субботина и Аркушенко — к восьми годам каждого. Кроме того, все осужденные были поражены в правах на пять лет.

Конец банды "Черная кошка"

Во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях, особенно в периоды междувластия, свирепствовали бандитские группировки. Отступления и наступления советских, немецких, румынских войск сопровождалось мародерством, погромами, грабежами, зверскими убийствами. В оружии недостатка не было, уголовная среда интенсивно пополнялась дезертирами, бежавшими из тюрем и пересылок заключенными, всяким сбродом из "городских низов". Создавались условия, благоприятствующие грабежам и разбою.

Подобная же ситуация сложилась и в Одессе накануне ее освобождения. Разумеется, тут издавна сформировалась специфическая криминальная среда, со своими традициями, авторитетами, "кодексом" и др. Процветанию криминалитета способствовали разные обстоятельства, в том числе приморское положение, порт, обширность городских территорий, наличие протяженных подземных выработок-катакомб и проч.

В МВД все это учитывалось, а потому меня заранее назначили в Одессу как хорошо знающего город во всех отношениях. Вместе с передовыми частями Советской Армии я следовал туда, и мы буквально наступали на пятки откатывающемуся врагу. 3-го апреля 1944 года в 16 часов советские войска подошли к Одессе со стороны Лузановки, откуда город был виден как на ладони. Город, ставший мне родным, город-герой, был окутан дымом, а кое-где и пламенем.

Мы знали, с каким нетерпением одесситы, пережившие чудовищные зверства оккупации, ждут своих освободителей. Те апрельские дни выдались теплыми, согревающими. Казалось, сама природа вселяла оптимизм в наши сердца.

Из города доносились частые взрывы — это отступающие фашистские войска высаживали в воздух заводы, фабрики, отдельные здания, преимущественно те, в которых размещались административные или военные учреждения.

10 апреля Одессу полностью освободили. Наше вступление в город незабываемо — то был величайший праздник. Одесситы радостно приветствовали колонны советских воинов в запыленных гимнастерках, бушлатах, шинелях. Нас наперебой приглашали к себе на хлеб-соль, люди готовы были делиться последним, выносили, кто что мог.

Но в эти первые месяцы после освобождения Одесса ночная, "тихая", очень сильно отличалась от счастливой, напоенной солнцем дневной. Освещения не было совершенно, во многих местах громоздились руины зданий, кое-где, чуть ли не в центре города, оставались еще оборонительные сооружения — доты и дзоты. Горожане вообще отвыкли ходить по городу с наступлением сумерек, так как в период оккупации был введен комендантский час. Как было сказано, город захлестнула волна преступности, бандитизма. По ночам полновластными хозяевами улиц становились налетчики и убийцы.

Через десять дней после освобождения, 20 апреля 1944 года, одесситы с негодованием читали расклеенное во многих людных местах циничное объявление: "Граждане! Ваше хождение по городу — с 8-ми часов утра до 20-ти часов вечера, а с вечера до 8-ми часов утра — наше". Объявление подписала банда "Черная кошка".

Эта чрезвычайно опасная бандитская группировка стала проявлять себя с первого же дня освобождения Одессы, терроризируя горожан наглыми грабежами и кровавыми убийствами. Дошло до того, что люди нос боялись на улицу высунуть, — словно бы город по-прежнему оккупирован

врагами, и твое появление на улице может повлечь за собой насилие и даже смерть. Нередко кто-либо, рискнувший выйти на улицу после 20-ти часов, возвращался раздетым, а то и вовсе оставался валяться бесчувственным где-нибудь на задворках.

Для защиты горожан высылались военные патрули, которые, случалось, применяли боевое оружие. Бандиты понесли некоторые потери, что принудило их изменить тактику: ограбления и убийства они стали совершать и в дневное время, причем непредсказуемо, не придерживаясь какой-то четкой характерной линии или логики.

Серьезная оперативная работа позволила получить важные данные, касающиеся установления личности главаря банды "Черная кошка". Это был некто Бибергал, более известный под кличкой Дзюта. Мы также получили информацию о его приметах: молодой еще человек, 24-х лет, выше среднего роста, шатен. Было известно и то, что он отчаян, или, скорее, без тормозов, крайне опасен при задержании, всегда вооружен помимо огнестрельного оружия несколькими гранатами.

В период оккупации Дзюта совершал грабежи и убийства, в том числе и оккупантов, однако к подлинной борьбе с врагом это не имело ни малейшего отношения: нажива — единственное, что интересовало бандита. Хотя впоследствии этому зверюге стали приписывать мнимые партизанские подвиги.

Теперь — вероятно, весьма любопытный момент, связанный с выбором названия бандитской группировки, которое, конечно, не случайно. Разумеется, Дзюта не был интеллектуалом и не собирался изобретать название не только броское, рельефное, но и с подтекстом — "Черная кошка". Все обстоит гораздо проще. Дело в том, что во время оккупации он и его приспешники часто посещали одноименный трактир, в котором вечно обретались румыны, итальянцы, немцы, не самого, быть может, высокого полета, но такие, от которых все же можно было по договоренности или ненароком получить нужные бандитам сведения. В этом самом трактире Дзюта и сформировал свою банду жестокосердных неуловимых ночных грабителей и убийц.

Такие трактиры тогда именовали на румынский лад, бodegaми (Бodega — знаменитый подвал для хранения вин и энотека в Хересе. — **О. Г.**), какое название сохранилось в городском фольклоре до сей поры. "Черная кошка" находилась в том доме, где нынче помещается Клуб железнодорожников (ул. Троицкая, № 43. — **О. Г.**), а содержал трактир некто Станев, бандит в авторитете. Здесь было уютно и весело, выступал превосходный оркестр, профессиональные эстрадные и цирковые актеры, подавались

хорошие блюда и отменная выпивка. Заведение посещали самые шикарные, самые сногшибательные кокетки, известные всей Одессе, — Анька по прозвищу Японка и Шурка по прозвищу Балерина.

Естественно, "Черную кошку" охотно посещали румынские, немецкие, итальянские офицеры, чиновники, коммерсанты. Через хозяина, по существу, игравшего роль наводчика, Дзюта узнавал адреса тех или иных перспективных на предмет ограбления "объектов". Приходилось, конечно, делиться со Станевым и его челядью, но дело было явно выгодное. Поэтому "Черная кошка" и ее главарь прямо или опосредованно, но доставляли немало хлопот и оккупационным властям.

...Однажды я находился в своем рабочем кабинете, занимаясь срочными текущими делами. Тут раздался телефонный звонок, и мне сообщили, что в Дурьяновском переулке (он же Прохоровский переулок, на Молдаванке; Людвиг Дурьян — коммерсант немецкого происхождения, известный производитель хлебобулочных, кондитерских изделий и владелец пивного завода в дореволюционной Одессе. — **О. Г.**) совершено убийство. Прибыв на место происшествия, мы увидели: дверь в квартиру, где совершено преступление, распахнута. В комнате возле стола лежал убитый хозяин, у его ног — жена, а левее — невестка. В ходе осмотра около дверей были обнаружены три гильзы от пистолета системы парабеллум. Повсюду валялись разбросанные вещи — понятно, что бандиты выбирали, что получше. В дворовом погребе нашли труп хозяйского сына, в пяти шагах от которого также обнаружилась гильза парабеллума.

Стали опрашивать соседей. Жительницы смежного двора показали, что находясь у подъезда своего дома, видели, как к соседнему дому № 4 подъехала автомашина "ЗИС", шофером которой был военнослужащий. В машине сидели четыре молодых человека в штатском...

(К несчастью, тут в мемуарах В.Г. Беляева — пропуск текста. Из контекста ясно, что лакуна небольшая. После описания данного преступления, совершенного бандой "Черная кошка", сразу следует описание следующего. — **О. Г.**)

...убиты одним выстрелом. То есть в тот момент, когда женщина держала ребенка у левой груди, бандит произвел выстрел, и пуля, пройдя через грудь малыша, вошла в грудь женщины.

Мы нашли свидетелей, которые сообщили приметы убийц. Стало понятно, что преступление совершено теми же лицами, которые зверствовали в Дурьяновском переулке.

Последствия этих двух кровавых, невероятно жестоких преступлений, были таковы, что мне позвонил начальник областного управления МВД

генерал Юхимович. Строго спросил: "Скажите, капитан, до каких пор жители Одессы будут страдать от террора банды?!". Тут же приказал: "В кратчайшие сроки ликвидировать бандитскую группу "Черная кошка". В помощь для участия в операции направляю к вам, товарищ Беляев, работников МВД. Срочно действуйте".

Мы и до этого звонка не бездействовали. У нас имелась серьезная зацепка — автомашина "ЗИС", причем явно принадлежавшая какой-то воинской части или штабу. Вскоре машину разыскали, и ее шофер, сержант Антонов, был задержан. Он сообщил, что неизвестные лица несколько раз подражали его для перевозки вещей с квартиры на квартиру, назвал все известные ему адреса — откуда и куда. Описал он и приметы "нанимателей".

Затем Антонова усадили в крытую автомашину уголовного розыска и повезли, так сказать, по местам боевой славы. При этом, повторяя свои показания, он четко указывал посещаемые бандитами объекты, — чтоб уж было безоговорочно, наверняка. Посовещавшись, мы выбрали наиболее часто посещаемый грабителями объект, где решили выставить солидную засаду. Учитывая особую опасность и дерзость преступников, в засаде было оставлено пять сотрудников уголовного розыска.

На вторые сутки, около 14 часов, к объекту подъехала грузовая автомашина, тоже явно военная. Оттуда вышли трое бандитов, в том числе организатор банды, Бибергал-Дзюта, расплатились с шофером, сняли узлы и тюки с вещами, вошли с ними в парадное дома. Пользуясь тем, что руки грабителей заняты и что в парадном темно, оперативные сотрудники внезапно навалились и скрутили всех троих, обезоружили и в наручниках отравили в управление розыска.

Объект, о котором здесь шла речь, — это квартира гражданки Анастасии Моисеевой, которую частенько навещали бандиты, свозили сюда и хранили здесь награбленное добро. После захвата и отправки преступников мы произвели тщательнейший обыск, в ходе которого обнаружили и изъяли множество различных вещей, в том числе драгоценностей. В туалете, в бачке для слива воды, обнаружилось несколько пистолетов, патронов к ним и гранат. Кроме всего прочего, в кладовой хранилось немало дефицитных продовольственных товаров, также награбленных. Хозяйку Моисееву немедленно арестовали.

Допрос fundатора банды "Черная кошка" Дзюты дал такую информацию, которую и не предполагалось получить. Мы воспринимали его как отпетого бандита, бессовестного, хищного, нахрапистого, пожалуй, даже безрассудного до отваги. На поверку все оказалось куда сложнее.

Вернемся к мрачному этапу фашистской оккупации. Уже изрядно наследивший Дзюта ограбил и убил известного румынского адвоката. Подобное преступление, безусловно, наказывалось высшей мерой. Задержанный румынской полицией, бандит и был осужден к расстрелу. Апеллировать было бесполезно. В ожидании приговора Дзюта содержался в тюрьме. Как вдруг его привели к сотрудникам соответствующих служб и предложили сотрудничать: он помогает оккупационным властям выявлять коммунистов и евреев, за что ему не только даруют жизнь, но устраивают фиктивный побег из тюрьмы.

После того как осужденный к смерти бандит изъявил свое согласие, ему и в самом деле устроили побег. Но чтобы не вызвать никаких подозрений, бежал он вместе с другими арестованными и осужденными. Впрочем, устроители не пошли так далеко, чтоб действительно отпустить на волю всю группу: убедившись в том, что Дзюта скрылся, остальных беглецов задержала заведомо выставленная полицейская засада. При этом открыли стрельбу, смертельно ранив несколько человек.

Оказавшись на свободе, Дзюта набрал из уголовников значительную группу — 24 персоны! Хорошо вооруженные, матерые, они представляли огромную социальную опасность. Хронологически банда сложилась ближе к освобождению Одессы. А когда в город вошла Красная Армия, пользуясь тем, что власть не тотчас встала на ноги, "Черная кошка" начала совершать дерзкие грабежи, терроризируя население и вызывая недовольство этой властью. Такая задача тоже вменялась в обязанность Дзюте, которого оккупационные власти перед своим бегством готовы были терпеть.

Именно тогда главарю пришла в голову идея использовать для ограблений военный транспорт: как-то солидно, меньше подозрений, да и народ сердечно относится к военным. Так Дзюта, в частности, завербовал и сержанта Антонова — просто-напросто тормознул на одной из улиц его авто, посулил хорошие деньжата за перевозку вещей с места на место, тот и соблазнился. В результате при невольном соучастии военного шофера последовала новая серия ограблений и убийств. Так совместно с тремя другими бандитами главарь приехал в Дурьяновский переулок, причем адрес этот по ряду причин был намечен им не случайно.

С двумя подручными Дзюта вошел в дом, оставив для страховки с шофером "своего человека". Под угрозой оружия главарь предложил хозяйну квартиры, его жене и невестке добровольно выдать деньги и ценности, однако глава семьи оказался не из робкого десятка, бросив в лицо незваным гостям: "Бандиты!". Дзюта тут же застрелил его, а когда женщины

подняли крик, он покончил и с ними. Грабители собрали все ценное, что нашли в квартире, и понесли в машину, а главарь направился во двор и спустился в подвальное помещение. Там он застал хозяйского сына, которого тоже застрелил. Из подвала также вынесли все хранившиеся там продовольственные продукты. Когда грузились, заметили сидевших у соседнего подъезда женщин и детей. Все награбленное отвезли на Разумовскую улицу (тогда — ул. Орджоникидзе. — **О. Г.**), к гражданке Моисеевой.

Далее Бибергал показал, что 19 апреля 1944 года в 17 часов он совместно с двумя другими своими подручными совершил ограбление и убийство на 7-й станции Больше-Фонтанской дороги (Люстдорфская дорога. — **О. Г.**). В момент явления незваных гостей хозяйка дома держала на руках ребенка. После того как бандит потребовал у нее выдать ценности, женщина истерически закричала, Дзюта выстрелил, смертельно поразив обоих. Собрав кое-какую одежду, грабители уехали. Следующее ограбление обошлось без жертв, похищенное привезли к дому Моисеевой, где и наткнулись на засаду сотрудников уголовного розыска.

Из показаний Дзюты следовало, что на свободе оставалось еще трое матерых бандита из банды "Черная кошка". Он же под давлением обстоятельств сообщил их приметы и предполагаемые места появления. Один из наиболее перспективных адресов находился в Авчинниковском переулке (ныне — переулок Нечипоренко. — **О. Г.**). Операцию по задержанию опаснейших рецидивистов я поручил оперуполномоченному уголовного розыска лейтенанту Лескову. Вместе с двумя оперативниками они организовали засаду в одной из подворотен этого узкого переулка, примыкающего к проспекту. Обстоятельства способствовали удачному захвату, ибо в переулке негде было укрыться: он не только узок, но и совершенно лишен растительности.

Оперативники терпеливо ждали, когда трое грабителей поравняются с подворотней. Дождавшись, Лесков приказал произвести задержание, сотрудники угрозыска неожиданно выскочили в переулок, подняли оружие и скомандовали: "Руки вверх!". Бандиты растерялись и подчинились. Лейтенант велел задержанным вывернуть руки за спину и следовать в областное управление уголовного розыска. Неопытный Лесков как-то упустил из виду то обстоятельство, что рецидивистов надо было хорошенько обыскать прямо на месте задержания.

Когда задержанных вводили в парадное управления, часовой посторонился, пропуская их. Первым позади шел Лесков, который в этот миг опустил пистолет. Тогда один из поднимавшихся по ступенькам бандитов вы-

хватил из-за пояса пистолет и выстрелил в живот лейтенанту, фактически в упор. После чего все трое задержанных рванули напролом, смели конвоиров, выбежали на улицу и попытались скрыться.

В этот самый момент к дому как раз подъезжал начальник управления милиции полковник Кузменко. Тотчас разобравшись в происходящем, он выхватил оружие и метко выстрелил по убегающему с пистолетом в руках бандиту. Тот повалился на мостовую, а два его поделщика немедленно подняли руки.

Срочно доставленный в больницу, лейтенант Лесков скончался во время операции. Так сама ликвидация банды "Черная кошка" привела к еще одной непоправимой утрате.

История "Черной кошки" со временем обросла невероятными легендами, причем с неким романтическим оттенком. Сказания подобного рода тиражировались в криминальной среде даже в недавние 1960-е годы. Хотя Бибергал-Дзюта и его "команда" — просто банда головорезов: безжалостных нелюдей. И пусть вся эта "романтика" остается на совести тех, кто в нее верит.

Убийство оперуполномоченного Гуревича

13 ноября 1945 года дверной звонок всполошил все мое семейство в 4 часа 30 минут. Я автоматически оделся, вышел в прихожую и отпер дверь. Дежурный шофер управления розыска доложил: "Товарищ капитан Беляев! Вас срочно вызывают по поводу чрезвычайного происшествия". Сообщил жене, что вызывают, вероятно, на целые сутки, что ее не особенно удивило, — в те годы такое случалось нередко. На улице стоял плотный туман, шофер сигналил фарами. Выехали к месту происшествия, на перекресток улицы Чижикова (Пантелеймоновская. — **О. Г.**) и Колхозного (Резницкий. — **О. Г.**) переулка.

На месте находились: дежурный по городу, следователь прокуратуры и медицинский эксперт. Дежурный комендант управления милиции коротко рассказал об убийстве уполномоченного 3-го отделения милиции Гуревича, тело которого обнаружили на тротуаре в пяти шагах от дома. Гуревич возвращался со службы домой по улице Чижикова, где и был убит.

При осмотре места происшествия и тела зафиксировано следующее. Убитый лежал лицом к тротуару, кисть левой руки прижата к груди. Одет в шинель, поверх которой — португепя с пустой кобурой к пистолету ТТ, в карманах — личные документы, разут, шапка находилась в полуметре

от тела. Медицинский эксперт установил, что смерть наступила быстро: слева на груди входное пулевое отверстие, пуля застряла в позвоночнике. Убийца или убийцы забрали пистолет ТТ, портфель с разной перепиской, сняли кирзовые сапоги.

Отправив труп Гуревича в морг, я решил еще раз внимательно осмотреть место преступления. В пятнадцати шагах на мостовой обнаружил стреляную пистолетную гильзу. Подобные находки на улицах Одессы в то время вовсе не были редкостью, но эта оказалась явно "свежей", причем тоже от пистолета ТТ. То есть выходило, что в данный момент убийцы обладают сразу двумя такими пистолетами.

С чего начинать розыск опасных преступников? Прежде всего, установил, что денег у Гуревича с собой не было, по крайней мере, хоть скольконбудь существенной суммы. Тогда я рассудил так. Если убийцы сняли с убитого сапоги не для себя, а для продажи, открывается возможность изловить их на барахолках, рынках, через перекупщиков. Не теряя времени, дал соответствующие указания работникам уголовного розыска. Все силы были брошены на проверку мест стихийной реализации одежды и обуви, а таких мест в тот период было немало. Однако начали мы, конечно, с перекупщиков, и это дало свои результаты.

Уже в 10 часов утра в мой кабинет вошел один из работников розыска и доложил: "Товарищ капитан, мной задержан на рынке перекупщик вещей Коган, у которого изъяты кирзовые сапоги, купленные у неизвестного гражданина, приметы которого он сообщил". Сапоги эти тут же предъявили супруге убитого Гуревича, и она их уверенно опознала.

Известие об убийстве оперуполномоченного Гуревича быстро облетело весь город. Одесситы искренне желали помочь розыску преступников, последовал ряд обращений: нам сообщали подозрительные адреса, рассказывали о появлении подозрительных лиц и т. п. Сотрудники розыска проверяли полученную информацию, и во многих случаях она подтверждалась, — последовали аресты матерых рецидивистов. В частности, в 17 часов того же дня в уголовный розыск явился гражданин Гринберг, который заявил: в доме № 137 по улице Комсомольской (Старопортофранковская. — **О. Г.**) в подвальном помещении проживает гражданка Неденова, у которой со вчерашнего вечера крепко гуляют весьма подозрительные типы.

Людей не хватало, и мы отправились проверять указанный адрес вдвоем с другим сотрудником розыска. Когда вошли во двор и приблизились к подвалу Неденовой, услышали громкий разговор — наружная дверь ока-

залась открытой. Спустились в тамбур и распахнули вторую дверь. В комнате увидели пьянствовавших за столом троих мужчин и женщину. Направив в их сторону оружие, я резко скомандовал: "Руки вверх!". Двое из мужчин и женщина, знавшие меня в лицо, немедленно подчинились, но третий быстро выхватил из-за пояса завернутый в носовой платок пистолет ТТ и попытался его развернуть. Пришлось нанести удар по его руке рукояткой своего пистолета. Он выронил оружие под стол, умерил резвость и тоже подчинился: поднял руки вверх. Услышав шум, к подвалу подбежал дворник этого дома, которому было поручено вызвать работников милиции.

При обыске в квартире Неденовой обнаружился еще один пистолет ТТ и наган. Задержанных отправили в уголовный розыск, где они назвали себя. Пытавшийся оказать вооруженное сопротивление оказался бежавшим из мест заключения разыскиваемым бандитом Сергеем Пятковским. Второй — уголовником, зарегистрированным как грабитель под кличкой Шекель. Третий — также уголовником, известным под кличкой Изька Штымп. Плюс держательница притона Неденова.

Проверка номеров изъятого оружия показала, что один из пистолетов ТТ принадлежал убитому оперуполномоченному Гуревичу, другой — тоже в розыске как похищенный у военнослужащего, наконец, револьвер также разыскивался.

Задержанному перекупщику Когану предъявили для опознания всех троих схваченных рецидивистов. Коган сразу же опознал Пятковского как человека, у которого он приобрел сапоги убитого Гуревича. Обнаруженная на месте преступления стреляная гильза ТТ была исследована судебной экспертизой. Установлено, что убийство Гуревича совершено выстрелом из разыскиваемого пистолета ТТ, изъятого у преступника Пятковского. Однако на допросе ни один из задержанных в убийстве оперуполномоченного не сознался.

На следующий день в ходе допроса Изька Штымп заявил: "Я понимаю, в убийстве работника милиции мы изобличены — пистолет, сапоги, доказательств больше чем достаточно... Но я не желаю быть обвиненным в убийстве, поскольку его не совершал. Поэтому решил вам рассказать все, как оно было". Далее Штымп сообщил, что вечером накануне убийства он, Пятковский и Шекель пришли на квартиру Неденовой, проживающей в доме № 137 по Комсомольской улице, где изрядно выпили. Около двух часов ночи они все вместе, вчетвером, направились на вокзал станции Одесса-Главная в надежде прикупить

спиртное. Водки не нашли, а потому удовольствовались пивом, которое распили прямо на вокзале. Затем направились назад, в дом Неденовой, шли по улице Чижикова.

В половине четвертого или несколько раньше, не доходя Колхозного переулка, Пятковский остановил компанию, достал пистолет ТТ и направился на противоположную сторону улицы, по которой шел неизвестный человек. Приблизившись, Пятковский негромко сказал: "Руки вверх". Но неизвестный рук не поднял, Штымп с остальными находились на расстоянии 20-25 метров, видели, что тот замешкался, вероятно, пытался достать оружие. Пятковский же был намного ближе и точно знал: неизвестный достает оружие. А потому выстрелил. Он первым подошел к убитому, а затем подошли и Штымп с Шекелем и Неденовой. Пятковский вынул пистолет из кобуры убитого, оказавшегося в милицмейской форме, снял кирзовые сапоги и забрал портфель с разными документами. Вчетвером пришли на квартиру Неденовой, просмотрели все бумаги, которые вместе с портфелем сожгли в печи. Пистолет ТТ Пятковский оставил у себя.

Около семи часов утра Пятковский взял сапоги убитого милиционера, обернул тряпкой и ушел куда-то продавать. Вскороности он вернулся с водкой и закуской. Вся "честная компания" снова загуляла, а в разгар веселья была арестована.

Тем временем на втором допросе Пятковский заявил: "Винным в убийстве себя не признаю и ничего по делу не знаю. Что касается изъятого у меня оружия, я нашел его в сквере. Можете меня судить... Но только за незаконное ношение огнестрельного оружия".

Спрашиваю Пятковского: "Хотите услышать, кто является убийцей работника милиции Гуревича?". Пятковский: "Да, я хочу услышать, кто убил". "Хорошо, — говорю, — если хотите слышать, кто убийца, идите-ка за книжный шкаф, стойте там тихо и слушайте внимательно".

Тут же даю работнику розыска записку, в которой указано привести ко мне Изьку Штымпа. Штымпа привели в кабинет, он остановился, огляделся: кроме меня и еще двух сотрудников розыска — никого. Спрашиваю: "Скажите еще раз, кто убил милиционера Гуревича?". Изька: "Я вам говорил правду, Пятковский убил работника милиции". Пятковский никак не ожидал, что Штымп, его подручный по многим темным делам, сознается и выдаст. Убийца не выдержал, вышел из-за шкафа, разразился проклятиями, обозвал Изьку подлецом и провокатором, грозился отомстить. Поникшего Штымпа увели в камеру.

Пятковский остался в кабинете и на допросе смело заявил: "Не знаю, какие еще показания давал Изька Штым, но я в убийстве оперуполномоченного изобличен. Признаю себя виновным и полностью подтверждаю показания Изьки Штыма". Неденова и Шекель также подтвердили показания Изьки и Пятковского.

Сергея Пятковского осудили к высшей мере наказания — расстрелу, остальных соучастников — к различным срокам лишения свободы.

